Е. В. Перехвальская

СИБИРСКИЙ ПИДЖИН (ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ). ФОРМИРОВАНИЕ. ИСТОРИЯ. СТРУКТУРА

(Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. - Спб., 2006)

Введение

Креолистика, то есть изучение пиджинов и креольских языков, за последние сорок лет превратилась в самостоятельную область языкознания. Появились сотни работ, посвященных как путям возникновения, так и особенностям конкретных идиомов этого типа (см. например: Беликов 1998, Головко 1996, Дьячков 1987, Розанова 1998, Сапунова 1998, Хасанова 2000, Хелимский 2000, Arends 1995, Bakker and Muysken 1994, Bickerton 1981, Boretzky 1983, Broch and Jahr 1984, Cassidy 1961, Chaudenson 1979, DeGraff 1992, Faraclas 1996, Goodman 1964, Hall 1966, Holm 2000, Hymes 1971, Keesing 1988, Lefebvre 1998, LePage 1961, Mufwene 2001, Muhlhausler 1986, Reinecke and Tsuzaki 1975, Romaine 1988, Sebba 1997, Singh 2000, Taylor 1963, Thomason 2001, Whinnom 1965, Winword 2003, Wurm 1971).

Зарубежные исследования пиджинов, креольских и смешанных языков давно вышли за рамки поверхностных описаний. Креолисты работают в нескольких направлениях: помимо систематического описания структуры таких идиомов, проводятся подробнейшие исследования их внешней истории с целью проследить этапы их формирования, учесть все возможные языковые влияния. Проводятся исследования, которые призваны определить вклад каждого из языковых компонентов при формировании конкретного контактного языка.

Большое внимание уделяется также общим вопросам: изучаются условия формирования языков данного типа, причины их возникновения, характер их отношений к языку-лексификатору. Можно констатировать, что исследование пиджинов и креольских языков важно не только само по себе; этот материал имеет чрезвычайный интерес для общего языкознания в целом. Это определяется следующими факторами. Изучение языков, явившихся результатом интенсивного языкового контактирования, помогает раскрыть природу языковых контактов, являющихся одной из важнейших причин языковых изменений. Кроме того, возникновение пиджинов, формирование на их основе креольских языков можно рассматривать как «возникновение нового языка». Исследование их становления может пролить свет на понимание сущности языка, его природы и генезиса.

В результате появились многочисленные обобщающие работы по контактным языкам и по проблематике языковых контактов в целом. При этом в фокусе исследований по-прежнему находятся в основном пиджины, креольские и смешанные языки, возникшие на основе западноевропейских языков - прежде всего, английского, французского и португальского. Все эти языки складывались в сходных условиях: как правило, в процессе работорговли и подневольного труда. Этот факт ставит под сомнение многие выводы, которые делает креолистика, поскольку всегда остается вероятность того, что описываемые процессы не являются универсальными.

Изучение пиджинов, возникших в других условиях, на основе языков иного типа, оказывается чрезвычайно важным для теории языковых контактов и креолистики: оно может пролить свет на механизмы пиджинизации вообще. К таким идиомам относятся и пиджины, возникшие на основе русского языка (далее: «русские пиджины»).

К сожалению, русские пиджины изучены к настоящему времени совершенно недостаточно. В мировой научный оборот введен только русско-норвежский пиджин, или руссенорск, а также смешанный медновский язык; по остальным русским пиджинам имеются лишь фрагментарные публикации. Все это определяет актуальность предпринятого исследования.

В настоящей работе была поставлена цель восполнить указанный пробел и проверить основные выводы креолистики на ином материале, проследить процессы возникновения и

дальнейшего «расширения» пиджина, возникшего на основе русского языка - языка с богатой словообразовательной и словоизменительной морфологией.

В работе представлено систематическое описание грамматического строя и лексического состава русского пиджина, распространённого в XVIII-XX веках на территориях, поэтапно присоединяемых к России, который предлагается называть *сибирским пиджином.* Особое внимание уделено дальневосточной разновидности данного пиджина, как лучше всего документированной. Данный пиджин рассмотрен последовательно на разных этапах его развития: описывается исходный «редуцированный вариант», затем стабильный (расширенный) пиджин и, наконец, стадия декреолизации, растворения пиджина и постепенного превращения его в своеобразный диалект русского языка.

Основным **предметом исследования** являются: формирование пиджинов, условия и механизмы пиджинизации, расширение пиджина, постпиджинный континуум, вариативность языков данного типа.

В соответствии с поставленной целью, в работе решались следующие **задачи**: 1) собрать доступные источники по русским пиджинам; 2) рассмотреть конкретные механизмы пиджинизации и последующего «расширения» пиджина; ситуацию постпиджинного континуума; 3) предложить объяснение механизмов пиджинизации; 4) составить словарь дальневосточного варианта сибирского пиджина.

Основным **материалом работы** послужила выборка примеров из лингвистических работ, из художественной, публицистической и мемуарной литературы, содержащей цитации на русских пиджинах, а также полевые записи, собранные автором данной работы в период с 1985 по 2004 годы.

В работе использовались следующие **исследовательские приёмы и методы**: методы грамматического анализа (частеречный анализ, анализ актантной структуры предложения); методы лексикографического описания языка. В работе также использовались методики, принятые в социолингвистике при описании континуумных ситуаций.

Научная новизна и теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что впервые собраны воедино все источники по сибирскому пиджину, включая современные записи. Проведен детальный лингвистический анализ имеющихся материалов, в результате чего выявлены конкретные процессы формирования «новой» грамматики на основе редуцированного кода пиджина. Предложена оригинальная теория формирования пиджинов. Составлен словарь дальневосточного варианта сибирского пиджина. Значительная часть полевых материалов, собранных автором работы, вводится в научный оборот впервые.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования её результатов в университетских курсах по теории языковых контактов, изучению пиджинов и креольских языков, а также в лекциях по социо- и этнолингвистике. Они также могут быть использованы в качестве языкового материала как лингвистами, работающими в области социолингвистики, так и специалистами, изучающими русский язык.

Основные теоретические положения, выносимые на защиту, можно сформулировать следующим образом:

1) Пиджины и креольские языки являются не однотипными языковыми образованиями, а идиомами разных типов; процессы их формирования (пиджинизация и креолизация) представляют собой два совершенно разных процесса, каждый из которых имеет свои закономерности и обусловлен своими причинами.

2) Определяющим фактором образования пиджинов является стадия, при которой язык оказывается редуцированным до состояния, близкого к «прагматическому коду», т.е. до совокупности «лексических обломков», организованных наиболее простым образом, при опоре на актуальную ситуацию. Наличие в истории языка такой стадии является критерием при решении вопроса об отнесении того или иного языка к пиджинам. При этом прагматический код является универсальным.

3) Ошибочным является представление о том, что пиджины и креольские языки не укладываются в традиционное представление о языковых семьях и их дивергенции. Генетическое родство является весьма конкретным понятием, выводимым на основании строгой процедуры. Если применить к пиджину или креольскому языку процедуру определения языкового родства, то

окажется, что он однозначно связан со своим языком-лексификатором, являясь в сравнительно-историческом плане его филиацией.

4) Критериями при отнесении представленной в источнике формы языка к русским пиджинам являются следующие: наличие в идиоме ошибок против системы русского языка; отсутствие или непоследовательное выражение большинства грамматических категорий; выполнение идиомом функции достаточно устойчивого средства коммуникации, имеющего или имевшего свой языковой коллектив; наличие функции средства межэтнического общения.

5) Сибирский пиджин возник не в ходе контактов русских с китайцами. В основе русских пиджинов, функционировавших в XIX веке, лежал особый «язык для инородцев», употреблявшийся русскими купцами и первыми переселенцами при общении с коренным населением Урала, Сибири и Дальнего Востока. Это был «прото-пиджин», который содержал в себе те черты, которые объединяют «старые» русские пиджины.

6) При рассмотрении сверх-вариативных идиомов, каким является сибирский пиджин, следует рассматривать различные этапы его формирования как принципиально разные сущности.

7) Несмотря на близость редуцированного пиджина к прагматическому коду, части речи в нем могут быть выделены не только по семантическому, но и по формальному критерию, при этом результаты применения этих критериев практически совпадают.

8) Происходящая по мере расширения пиджина «морфологизация частей речи» является универсальным процессом для всех русских пиджинов, при этом в первую очередь формально выделяется глагол, затем существительное, последними формируются служебные части речи.

9) История сибирского пиджина подтверждает справедливость компромиссной точки зрения на процесс становления «новой» грамматики расширенных пиджинов и креольских языков, согласно которой на формирование данных языков оказали значительное влияние, как языки субстрата, так и суперстрата; причем при их взаимодействии определённую роль сыграл механизм поиска аналогий («торга», по терминологии С. Томасон). Существенной оказалась также роль «универсальной грамматики»; важным фактором явилось и существование в русском языке того времени регистра «языка для инородцев».

10) Структурно расширенные варианты русского пиджина отличаются от креольских языков, возникших на основе западноевропейских языков, что опровергает тезис «универсалистов» о принципиально однотипном построении «новой грамматики» расширенных пиджинов и креольских языков.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены в докладах и выступлениях на: Совещании по вопросам диалектологии и истории языка (Ужгород, 1984); III Всес. школе молодых востоковедов (Звенигород, 1984): «Ареальные исследования в языкознании и этнографии», V конф. «Проблемы атласной картогра-фии» (Уфа, 1985); Всес. конф. «Современные проблемы романистики» (Калинин, 1986); Всес. конф. «Диалектика формы и содержания в языке и литературе» (Тбилиси, 1986); IV Всес. школе молодых востоковедов, секция «Языкознание» (М, 1986); XXIX сессии PIAC. «Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности» (Ташкент, 1986); Конф. аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР, секция «Языкознание, литературоведение» (М, 1987); Рабочем совещании «Возникновение и функционирование контактных языков» (М, 1987); XI Конгрессе фонетических наук (Таллинн, 1987); Межвуз. конф. «Теория верификации лингвистических отношений» (М, 1988); рабочем совещании «Язык и культура кельтов» (М, 1988); Межвуз. конф. «Историческое развитие языков и методы его изучения» (Свердловск, 1988); Конф. «Императив в разноструктурных языках» (Л., 1988), Всес. конф. МГУ «Билингвизм и диглоссия» (М, 1989); V Межд. симп. учёных социалистических стран «Теоретические проблемы языков Азии и Африки» (Прага, 1990); Межвуз. конф. «Диахроническая контрастивность германских языков» (Тверь, 1991); Всес. научн. конф. «Проблемы языкового контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР» (Махачкала, 1991); IV Всес. конф. востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов» (М, 1991); XIII Межд. конф. по исторической лингвистике (Дюссельдорф, Германия, 1997); Конф. по стабилизации аборигенных языков (Тусон, Аризона, США,1998); XXX Межвуз. научно-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Секция общего языкознания (СПб, 2001); Межд. конф. «Jahrestagung und Kognition der Deutschen Gesellschaft fur Sprachwissenschaft» (Лейпциг, Германия, 2001); Межд. симп. по дейктическим системам и квантификации LENKA-I (Ижевск, 2001); IV

Межд. конф. по изучению метафоры (Мануба, Тунис, 2001); Конф., посвященной 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН А.В. Десницкой (СПб, 2002); Межд. научн. конф. «Язык - гендер - традиция» (СПб, 2002); Межд. конф. «Традиции и инновации» (Каунас, Респ. Литва, 2003); Юбилейной конф. кафедры общего языкознания СПбГУ (СПб, 2003); Межд. симп. по типологии аргументных структур LENKA-II (Казань, 2004); X Конф. африканистов «Безопасность Африки: внутренние и внешние аспекты». Секция лингвистики (М, 2005); Межд. школе по лингвистической типологии и антропологии (Ереван, Респ. Армения, 2005); IV Типологической школе «Языковые союзы Евразии» (М, 2005); Межд. конф. «Проблемы типологии и общей лингвистики», посвященной 100-летию со дня рождения проф. А.А. Холодовича (СПб, 2006); на на заседаниях кафедры общего языкознания (2003-2005 гг.); на заседаниях отдела языков народов России ИЛИ РАН (2004-2005 гг.), а также отражены в учебном пособии (СПб, 2006), в двух главах в коллективных монографиях и в 25 статьях.

Структура диссертации: Диссертация состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Библиографии и Приложений.

Основное содержание диссертации:

В Главе 1 «Пиджины и креольские языки» даётся определение языков данного типа в рамках социолингвистики, задаются параметры их выделения.

Изучение пиджинов, креольских и других контактных языков (креолистика) является частью теории языковых контактов, традиционно относимой к социолингвистике. Это представляется оправданным, т.к. единственное, что отличает контактные языки от «обычных» - это особые условия их возникновения, т.е. не лингвистические, а социолингвистические параметры. Тем не менее, в строении данных языков прослеживаются определённые закономерности, что даёт возможность говорить и о лингвистических особенностях этого типа языков. Основополагающими для креолистики являются понятия *пиджин* и *креольский язык*.

Пиджины возникают в условиях «экстремальных» языковых контактов, когда у двух или нескольких групп людей, которым необходимо договориться о чём-то конкретном, нет общего языка. Пиджин - это редуцированный идиом, не имеющий коллектива собственных носителей, часто не воспринимающийся самими говорящими как «язык»; он служит вспомогательным средством коммуникации, спонтанно возникающим в стандартных коммуникативных ситуациях. Типичные ситуации возникновения пиджина - обмен товарами, торговля, ситуация подневольного труда. Обычно пиджин принимается за *девиантный диалект*, описываемый как «ломаный», «испорченный», «искаженный» язык.

Креольские языки (Кя) - языки, возникшие из пиджинов в результате процесса *нативизации*, когда пиджин становится родным языком некоторого коллектива говорящих. Существуют также теории, согласно которым Кя могли образоваться, минуя стадию пиджина, непосредственно из языка-источника. Кя, в отличие от пиджинов, обслуживают все необходимые коммуникативные ситуации, в результате их грамматика усложняется (происходит *расширение грамматики*).

Лексика пиджинов, как правило, заимствуется из языка одной из контактирующих групп; такой язык называется «язык-лексификатор». Существуют пиджины, возникшие на основе неевропейских языков, имеются также случаи, когда лексика пиджина восходит к двум языкам, примером чего служит руссенорск. Пиджин - результат «минимизации» языка, когда в целях передачи простейшей коммуникативной информации используется крайне ограниченный словарь, организованный в высказывания простейшим способом со значительной опорой на дискурс. Ср.: *Так худо ходи, его стреляй буду, думай наша чушка еси*. ‘Так нам идти нельзя, они могут принять нас за кабанов и выстрелят по нам’ (Арсеньев), где *ходи, стреляй, думай* - неизменяемые глагольные формы; *его, наша* - местоимения, не имеющие рода, падежа; *чушка* - существительное, лишенное рода, числа, падежа. Пиджины оказываются структурно «менее сложными», чем языки, имеющие обычную историю. Однако неверно, что «пиджины - упрощенная версия языков». Имеет смысл различать «упрощение» языка и «редукцию» языка. Такие явления, как выравнивание по аналогии, устранение нерегулярностей и т.п., следует относить к «упрощению» языка. Редукция языка - это не выравнивание парадигм, а утрата самих парадигм. Процесс пиджинизации можно

описать как полную редукцию языка. Этим объясняется «сходство» пиджинов - их объединяет немаркированность лингвистических черт. Поэтому нет таких специфических лингвистических черт, которые позволили бы однозначно отнести язык к пиджинам, если история его образования неизвестна. В этом плане показательной оказывается полемика относительно «креольского» характера английского языка. Поскольку пиджин - понятие социолингвистическое, анализ структуры языка сам по себе не может дать ответа на этот вопрос. Вследствие этого теории возникновения пиджинов представляют модели контактных ситуаций, в которых могли сформироваться языки этого типа.

Основные теории возникновения пиджинов. Основные дискутируемые проблемы, связанные с происхождением контактных языков, лежат в двух разных плоскостях: 1. Источник модели пиджинизации. Создавались ли пиджины в каждой конкретной зоне контакта независимо друг от друга или они строились по уже известной модели? 2. Проблема субстрата. Каков вклад каждого из контактирующих языков в структуру контактного языка (лексику, грамматический строй)?

Теория моногенеза объясняет сходство пиджинов и Кя распространением единой модели. В соответствии с ней, «прото-пиджин» возник однажды, а затем распространился в других регионах среди других народов. Современные пиджины и Кя возникли путём релексификации старого португалоязычного морского пиджина, который, в свою очередь, оказывается наследником средневекового средиземноморского контактного языка, известного под названиями *лингва-франка* или *сабир* (Whinnom 1977). В более умеренном варианте теория моногенеза касается только атлантических пиджинов и Кя.

В данной и многих других теориях о «пиджинах и Кя» говорится как о рядоположенных сущностях. Однако процесс пиджинизации, характеризующийся редукцией языка, и последующий процесс креолизации, т.е. построения на основе пиджина полноценного языка - это два совершенно различных процесса. Поскольку темой данной работы является описание пиджина, в ней представленные теории анализируются прежде всего в приложении к процессу пиджинизации.

Факты свидетельствуют о том, что языки упрощаются сходным образом. Это может объясняться либо тем, что данный способ редукции заложен в Языке вообще, либо тем, что модель редукции заимствуется.

Отказ от радикального варианта теории моногенеза, признание того, что при сходных условиях в языке произойдут сходные изменения, равносилен отказу от теории моногенеза. В жёстком же варианте теория моногенеза, т.е. сведение к одному источнику всех вообще пиджинов и Кя, представляется фантастичной.

С точки зрения теорий *полигенеза* пиджинизация происходила независимо в каждой из областей контактирования, где соблюдались необходимые социолингвистические условия. Структурное сходство пиджинов в этом случае объясняется типологической универсальностью процессов, происходящих при интенсивном языковом контактировании. *Теория детской речи* и *Теория языка для иностранцев* предполагают, что существуют универсальные механизмы упрощения языка. Однако наличие единого упрощенного регистра характерно не для всех языков. Как показали исследования Т.О. Гавриловой и К.С. Фёдоровой, носители русского языка не используют при общении детьми, а также с иностранцами стратегий упрощения языка, и тем более редукции грамматической системы.

Представления об универсальности механизмов редукции языка лежат в основе *Теории формирования контактных языков путём поэтапного удаления от языка-источника*, сопоставляющей процессы пиджинизации с процессами усвоения второго языка. Поверхностное совпадение многих элементов «недоусвоенных» вариантов языка с элементами пиджинов и Кя объясняется универсальным механизмом «упрощения» языка, который используется при необходимости организовать лексические единицы плохо знакомого языка. Однако между формами недоусвоенного языка и формами пиджина есть принципиальное различие. Большинство недоусвоенных вариантов представляют собой пусть упрощенную, но всё же систему целевого языка, а пиджин - особый язык, который надо специально учить (Arends 1994, 25). При изучении языка по мере повышения языковой компетенции индивида происходит приближение его речи к

формам целевого языка: наиболее удаленные варианты постепенно заменяются на более близкие к формам целевого языка. При пиджинизации целевой язык вообще отсутствует.

Я предлагаю объяснять процесс пиджинизации через понятие «прагматического кода». Оно было сформулировано Т. Гивоном (Givon 1979), который понимает под ним такую совокупность стратегий: а) движение порядка слов от темы к реме; б) свободная сочинительная связь (отсутствие подчинительных конструкций); в) соотношение именных основ при глаголе минимально, приблизительно 1:1; г) отсутствие флективной морфологии; д) особая интонация - понижение тона на теме, затем переход к мелодическому повышению на реме; е) минимальность анафорики и, соответственно, зачаточное состояние местоимений как грамматической категории. Такое состояние языка является «исходной позицией эволюционного цикла» (Николаева, 1984). При пиджинизации язык функционирует как совокупность «лексических обломков», организованных этим простейшим из способов. Наличие в прошлом этой стадии является критерием при решении вопроса, можно ли отнести тот или иной язык к пиджинам. Принятие такой точки зрения интерпретирует механизм пиджинизации совершенно определённым образом: она происходила всякий раз, когда складывались соответствующие социолингвистические условия, что подтверждают т.н. «независимые» пиджины, развившиеся на иной (не западноевропейской) лексической основе, в том числе и русские пиджины. При пиджинизации в течение краткого времени язык оказывается редуцированным до ситуации, близкой к «прагматическому коду», который и оказывается исходным языковым состоянием. Следующий шаг в развитии пиджина - построение из лексических обломков «новой» грамматики. На этом этапе включаются механизмы «расширения грамматики».

Условия пиджинизации. Среди факторов, приводящих к возникновению пиджина, называют следующие: 1) контакт двух или нескольких групп, не знающих языка друг друга; 2) стандартная контактная ситуация (торговля, обмен, подневольный труд и т.п.); 3) контактирующие стороны социально неравны; 4) ситуация контакта периодически повторяется; 5) пиджин не является родным ни для кого из говорящих; 6) низкая грамотность колонизуемых народов; 6) незаинтересованность носителей языков-источников в том, чтобы местное население овладевало их языком.

Указанные условия не всегда оказываются необходимыми. Так, руссенорск возник в ситуации, когда обе контактирующие стороны были равноправными, в то же время в полиэтничных регионах (на Балканах, в Дагестане) не сформировалось ни одного контактного языка. Важное дополнение к списку условий пиджинизации внёс К. Уинном. Интерференции, какой бы значительной она ни была, для пиджинизации недостаточно. Она происходит, по Уинному, при условии «третичной гибридизации», когда язык используется группами людей, одинаково плохо владеющих им. По-видимому, это условие является определяющим для стабилизации пиджина и оформления его в особый язык, однако не проясняет условий, при которых возникает первоначальный пиджин.

Важной составляющей такой ситуации, оказывается тот факт, что у говорящих нет иного средства коммуникации - т.е. в коммуницирующих сообществах нет *двуязычных индивидов*. Это условие является самым главным для ситуации образования пиджина. Вторым важнейшим условием является *отсутствие мотивации к изучению другого языка*.

Так возникает *редуцированный пиджин*, близкий к прагматическому коду (т.н. *жаргон*). Для стабилизации жаргона требуются следующие условия: 1) повторяемость контактной ситуации; 2) пользование пиджином людьми, не владеющими языком-лексификатором.

Расширение грамматики пиджина. Жаргоны и редуцированные пиджины недолговечны. На смену им приходят другие варианты языка: местные, национальные, часто очень интерферированные. Единичные пиджины расширяют сферу употребления, вместе с чем усложняется их грамматическая структура и словарь. Этот процесс носит название: *расширение* пиджина, а его результатом является *расширенный пиджин* (Рп). Это полноценный язык, отличающийся от других лишь тем, что нет людей, для которых он был бы родным. Пример расширенного пиджина - ток-писин, один из официальных языков Папуа-Новой Гвинеи. Пиджин, ставший родным языком некоторого коллектива, становится *креольским языком* (Кя). На основе

русского языка креольских языков не сформировалось, однако процессы креолизации и процессы расширения пиджина оказываются сходными.

Рп и Кя отличает от других языков «особая связь» с языком-лексификатором. Значительно огрубляя ситуацию, можно сказать, что это языки, сохранившие лексику языка-лексификатора при полной перестройке грамматики. В отличие от редуцированного пиджина, Рп и Кя способны выражать все необходимые грамматические значения.

Одним из дискутируемых вопросов является вопрос о том, каков вклад каждого из контактировавших языков в формирование Рп. Как правило, спор происходит относительно степени влияния на контактный язык со стороны *языков субстрата*. Можно предположить, что грамматический строй этих языков оказал существенное влияние при расширении грамматической структуры пиджина. Такая точка зрения была практически общепринятой в 1960-1970-е годы. Согласно иной точке, зрения влияние языков субстрата на формирование Рп и Кя настолько незначительно, что им можно пренебречь.

Вариантом *теории субстрата* является *теория релексификации* Клер Лефевр. Под «релексификацией» здесь понимается процесс широкомасштабного заимствования из языка-лексификатора: носители языков субстрата подставляли лексику языка-лексификатора в предложения на родном языке. Слабым местом этой теории является то, что она объясняет факты формирования лишь некоторых Кя (гаитянского), но неприложима к другим языкам.

Теория биопрограммы представляет собой приложение к креолистике идей Н. Хомского о существовании у человека врожденного лингвистического модуля, который определяет глубинные структуры языка. Д. Бикертон применил эти идеи к Кя, утверждая, что при расширении грамматики срабатывают те же врожденные языковые универсалии. Он сопоставил процесс расширения грамматики не с процессами овладения вторым языком, а с процессами овладения первым: в то время как взрослые говорят на нестабильном жаргоне с «мягкой грамматикой», дети конструируют нормальную «жесткую» грамматику, опираясь на структуры, заложенные в их мозгу. Идеи Д. Бикертона неоднократно критиковались - многие факты конкретных креольских языков игнорировались сторонниками биопрограммы и подгонялись под теорию. Тем не менее, рациональное зерно в теории биопрограммы, несомненно, есть.

Достаточно убедительной оказывается предложенная С. Томасон теория о том, что контактные языки есть результат своеобразной «торговли» (bargaining): конкретные формы Рп и Кя - результат попыток найти некий общий языковой знаменатель между разными языками как в лексике, так и в грамматике. С. Томасон замечает, что невыраженность большинства грамматических значений в пиджинах обязана своим происхождением «торгу» - общим языковым знаменателем часто оказывается «немаркированность» той или иной категории. Теория Сары Томасон верно трактует многие стороны процесса расширения пиджина на момент, когда происходит строительство «новой» грамматики. Однако, как представляется, объяснить коренную ломку грамматики без обращения к стадии прагматического кода всё же невозможно.

В последние горы все большее количество креолистов принимают *компромиссную точку зрения*, согласно которой признается сложность и многоплановость процесса формирования «новой» грамматики Рп и Кя (М. Аллейн, С. Муфвене, Дж. Синглер). Имеет смысл говорить о том, что на формирование Рп и Кя оказали значительное влияние как языки субстрата, так и суперстрата (языки-лексификаторы); значительную роль сыграли и правила «универсальной грамматики», а также закономерности овладения вторым языком взрослыми. Такой зрения придерживается и автор данной работы.

Постпиджинный континуум. Если пиджин или Кя сосуществуют со своим языком-лексификатором и воспринимаются как его «испорченный» вариант, а одной из сторон, пользующейся пиджином, оказываются носители языка-лексификатора, вариативность форм пиджина значительно повышается. Возникающая ситуация носит название «*постпиджинный континуум*» (или «*посткреольский континуум*», если речь идёт о Кя). Постпиджинный языковой континуум характеризуется большой вариативностью форм. Сам этот коллектив является гетерогенным - в него входят как носители языка-лексификатора, которые «упрощают» свою речь, стараясь говорить на креольском языке, так и носители собственно креольского языка,

старающиеся приблизить свою речь к нормам языка-лексификатора. В тот же языковой коллектив входят носители разного рода промежуточных вариантов.

Для описания таких ситуаций языковые варианты, встречающиеся в континууме, делят на *базилектные* (принадлежащие собственно пиджину) и *акролектные* (приближенные к языку-источнику), между которыми располагаются *мезолектные* (промежуточные) формы. Анализ постпиджинного континуума в этих терминах является перспективным и при анализе русских пиджинов.

Декреолизация. В пиджинах и Кя, существующих в ситуации постпиджинного или посткреольского континуума со своими языками-лексификаторами, происходит постепенное отмирание наиболее удаленных от целевого языка форм: сначала базилектных, а затем и мезолектных. В результате эти языки превращаются в своеобразные диалекты языка-лексификатора. Считается, что такой путь проделал диалект афро-американцев США.

При изучении русских пиджинов применение методик, выработанных для изучения постпиджинного континуума, тем более важно, что перед исследователем стоит задача реконструкции базилектного состояния, которое как таковое зарегистрировано лишь в очень ограниченном количестве источников.

О генетической принадлежности контактных языков. Немало споров вызывает проблема генетической классификации пиджинов и Кя, которые, будучи языками с необычной историей формирования, представляются как не укладывающиеся в традиционное представление о языковых семьях. Креолисты придерживаются двух точек зрения: 1) к пиджинам и креольским языкам в принципе неприменимо понятие «языкового родства», они не могут занять никакого места в генетической классификации языков; 2) к этим языкам применимы обычные процедуры определения языкового родства.

Ярким выразителем второй точки зрения является пионер креолистики Р. Холл мл., который еще в 1966 году писал о гаитянском креоле: «Этот язык, без сомнения, принадлежит к романской группе языков, к ее галло-романской подгруппе». Такого же мнения придерживаются и лингвисты, работающие в области компаративистики (сравнительно-исторического языкознания): «При пиджинизации то, что относится к области «собственно языка», берется по большей части из языка-лексификатора, а «способ обхождения с языком» - из языка-субстрата (языков-субстратов)», «не бывает языков смешанных “в равной пропорции”» (Бурлак, Старостин, 2005: 70).

Многие креолисты, однако, отказываются решать вопрос о генетической принадлежности пиджинов и Кя, считая их языками смешанными, и, следовательно, не сводимыми к одному источнику. Можно согласиться с тем, что пиджины и, в особенности, Кя являются смешанными в том смысле, что языки субстрата сыграли в их формировании важную роль. В то же время, этот второй компонент смешанного языка определить не всегда просто. Используя метафору «родства», заметим, что один из «родителей» Кя (язык-лексификатор) всегда хорошо известен, а вот другой «родитель» (язык субстрата, из которого предположительно заимствованы структуры) часто определяется весьма туманно. Так, в отношении языков Карибского моря таким «родителем» выступают «языки Западной Африки», при этом называют то эве, то йоруба, которые, хотя и входят в одну языковую семью ква, но всё же достаточно далеки друг от друга.

Представляется, что споры относительно генетической принадлежности пиджинов и креольских языков являются следствием неверного понимания сущности сравнительно-исторического метода. Окончательным критерием при определении генетического родства языков является *установление регулярных звуковых соответствий между базовой лексикой* сравниваемых языков. Таким образом, генетическое родство оказывается весьма конкретным понятием, выводимым на основании строгой процедуры. Из сказанного следует, что само по себе установление генетического родства между языками ничего не говорит ни об их дальнейшем развитии, ни о характере исторических отношений между ними. Так, цыганские диалекты/языки остаются языками новоиндийскими, несмотря на их интерферированный характер, что устанавливается при применении к ним сравнительно-исторического метода (Елоева, Русаков 1990).

Если принять тезис о том, что контактные языки не укладываются в рамки существующей генетической классификации, то следует признать уникальный характер процессов образования

контактных языков в современном мире, поскольку все известные традиционные языки в эту классификацию укладываются. В то же время очевидно, что пиджины и Кя могли существовать и в прежние эпохи. Какие-то из них могли дать начало современным языкам, которые, заметим, не выпадают из генетической классификации.

Если применить к пиджинам и креольским языкам процедуру определения языкового родства, то окажется, что они однозначно связаны со своим языком-лексификатором, являясь в сравнительно-историческом плане его филиацией. Другое дело, что по своей грамматической структуре (нерелевантной для установления генетического родства) они могут значительно отличаться от соответствующего языка-источника.

Конечно, существуют языки, которые не находят себе места в генетической классификации. Но это вовсе не Кя, а «изоляты». Их считают изолированно стоящими именно на том основании, что не удаётся установить их связи с другими языками - ни с одним языком мира не удаётся найти регулярные звуковые соответствия в базовой лексике.

В Главе 2 «Русские пиджины: материалы, история изучения, проблема формирования» собраны воедино разнородные источники, содержащие материал по русским пиджинам, и более узко - по сибирскому пиджину в его дальневосточной разновидности.

По мере расширения границ России в ходе контактов русских с автохтонными народами возникали вспомогательные языки и среди них **русские пиджины**. Некоторые из них упоминаются в художественной литературе при изображении речи инородцев. Обычно эти фрагменты кратки и неточны, они позволяют идентифицировать идиом как пиджин, но недостаточны для его анализа. В научной литературе по контактным языкам упоминается значительное число русских пиджинов, большинство из которых известны только по названию. В работе собраны источники по русским пиджинам; такими источниками признается любое цитирование пиджина, будь то научная или художественная литература.

Имеющиеся *записи русских пиджинов* можно разделить на: 1) записанные лингвистами с научными целями vs записанные литераторами с целью передачи особенностей речи персонажей; 2) представляющие собой запись текстов vs запись отдельных слов и/или коротких фразовых примеров; 3) записи по памяти vs расшифровка магнитофонных записей; 4) записи живого языка vs записи информантов-вспоминателей.

При таком подходе важно разграничивать ненормативные формы русского языка (недоученный вариант, интер-язык) и формы пиджина. Была принята следующая процедура. Выделялся корпус текстов, содержащих формы русской речи, выходящие за рамки нормы. «Ошибки» в русском (и любом другом) языке бывают двоякого рода: 1) ошибки против языковой нормы и/или узуса (просторечие, диалектные формы, стилистическое ошибки); 2) ошибки против системы русского языка.

Рассматривался корпус цитаций «неправильной» русской речи второго рода. Были также выделены диагностические черты, которые свидетельствуют о том, что данный идиом является пиджином. Критериями при отнесении представленной в источнике формы языка к пиджинам были следующие: 1) наличие ошибок против системы русского языка; 2) отсутствие или непоследовательное выражение большинства грамматических категорий, выраженных в русском языке морфологическими средствами; 3) данный идиом должен быть (был в прошлом) достаточно устойчивым средством коммуникации; 4) этот идиом не воспринимается как индиивидуальная особенность речи; 5) он служит (служил) средством межъязыкового общения.

Тексты, где встретились цитации любой длины (от слова и более), удовлетворяющие приведённым критериям, названы мною «источники по русскоязычным пиджинам» или сокращенно: «источники».

Записи пиджина в научной литературе:

Статья С.Н. Черепанова 1853 (Chr). Памятник «кяхтинского языка», характеризовавшегося высокой степенью стандартизации (см. ниже). Скорее всего, оба текста - творчество самого С.Н. Черепанова.

Очерк А. Александрова 1884 (Al) содержит несколько фраз и словосочетаний; пиджин назван «маймачинским наречием».

Заметка Г. Шухардта 1884 (Sch), отклик на заметку Александрова; содержит несколько фразовых примеров; описывается вариант, близкий к кяхтинскому.

Статья С.А. Врубеля 1931 (Vr) посвящена китайскому этнолекту дальневосточного варианта; содержит несколько десятков фразовых примеров. Многие из примеров можно толковать как сино-язычный пиджин, т.к. они целиком составлены из лексем китайского происхождения. Данный вариант следует рассматривать как «жаргон».

Статья А. Яблонской 1957 (Ja) - описание русского пиджина, употреблявшегося в Маньчжурии вдоль КВЖД; приводятся отдельные фразовые примеры, анализируется «китайский» и «европейский» этнолекты.

Материалы А.Г. Шпринцына 1932, 1968, архив (Shr). Отклик на работу Врубеля (1932); анализ материалов по русскому пиджину, собранных автором в 1920—1930 гг. во Владивостоке и Маньчжурии (1968). Представлен, главным образом, китайский этнолект. Значительное количество материалов хранится в архиве А.Г. Шпринцына (ГПБ).

Статьи Е.А. Хелимского 1987, 1996, 2000 - очерк истории формирования и грамматики таймырского пиджина (*говорки*: Gv). Статьи содержат фразовые примеры и небольшой связный текст.

Статья Д. Штерна 2002 посвящена *говорке*, и содержит очерк его внешней истории; приводится замечания по грамматике этого пиджина и небольшой текст.

Полевые материалы: расшифровка магнитофонных записей, сделанных автором (1984-2004). Записывалась спонтанная устная речь на пиджине (базилектные и мезолектные формы).

Бикинский вариант 1985-2004 (Bk): записи, сделанные в Пожарском р-не Приморского края; записывались местные варианты (у некоторых информантов - мезолект, близкий к базилекту).

Записи из поселка Кукан Хабаровского края 1990: записи китайско-русского пиджина, служившего средством семейного общения. Китайский этнолект (К) представляет собой базилект со мезолектными вставками, русский этнолект (Kk) приближен к мезолекту.

Этнолект тазов 1990 (Tz): запись пиджина у представителей старшего поколения тазов, сделанные в пос. Михайловка Ольгинского р-на Приморского края. Мезолектный вариант, характеризующийся высокой степенью вариативности.

Записи пиджина в ненаучной литературе представляют собой разнородные источники; ниже перечислены тексты, содержащие цитации на пиджине. Многие из них дают фразовые примеры и отрывки связных текстов, в некоторых сделана попытка передать фонетические особенности пиджина. Эти записи делались «по памяти» и не являются фиксацией спонтанной речи, тем не менее оказываются важным источником по русским пиджинам. По замечанию Дж. Никольс, «Можно предположить, что в произведениях художественной литературы зафиксирован “язык для иностранцев”, поскольку высказывания были составлены самим автором, в то время как в нехудожественной литературе мы находим “ломаный язык” как таковой, поскольку данные диалоги имели место в действительности. Однако очень часто научные работы писались через несколько десятилетий после того, как были услышаны и записаны отдельные фразы, и многое оказалось забыто, а художественные произведения, как правило, писались людьми, которые сами жили в этих местах и которые могли очень точно зафиксировать особенности такой “ломаной” речи» (Nichols 1980, 400).

Данные источники можно использовать, учитывая метод «задания языковых параметров», используемый в художественной литературе: автор отражает особенности речи персонажа в нескольких первых предложениях, а затем переходит на обычный язык. Подразумевается, что заданные языковые параметры сохраняются, а автор «пересказывает» речь персонажа. Ср. у В.К. Арсеньева: *Чего-чего рыба кушай, потом кабан <u>рыбу</u> кушай, теперь надо наша <u>кабана</u> кушай* (Ar) ‘Сначала рыба что-то съедает, потом кабан съедает эту рыбу, а теперь мы будем есть этого кабана’. Формы Вин. п. рыбу и кабана являются «русскими вкраплениями», падежные формы невозможны в базилекте (на базилект указывает глагол в «абсолютной» форме). Падежные формы понадобились, чтобы не затемнять актантную структуру предложения.

Основными источниками явились следующие произведения: Т.С. Аксаков, «Детские годы Багрова-внука» (Ak): русский пиджин звучит в сцене встречи русского помещика и башкир; В.К. Арсеньев, книги «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу», «Лесные люди удэхейцы», «В горах Сихотэ-

Алиня», «По Уссурийскому краю» (Ar) содержат цитации речи нерусского населения уссурийской тайги; Л.Н. Толстой, «Кавказский пленник» (Tl) содержит примеры речи представителей северокавказских народов.

Краткие примеры на русских пиджинах (обычно на стадии мезолекта) встречаются в ***лингвистических работах, посвященных проблематике языковых контактов***, а именно, вариантам русской речи той или иной этнической группы. Авторы не всегда чётко различают пиджинные формы и интерферированные варианты русского языка. Особенностью этого класса источников является то, что в них достаточно подробно описывается фонетика, меньше внимания уделено морфологии и синтаксису, отсутствуют связные тексты на описываемых идиомах. Это работы В.А. Богородицкого, А.П. Володина, А.М. Селищева, Е.И. Убрятовой, М. Хасановой.

Среди источников следует упомянуть работы, посвящённые другим контактным языкам, сформировавшимся при участии русского языка. Это русско-норвежский пиджин, или руссенорск (Broch 1927, Broch 1930, Broch, Jahr 1981; 1990), а также медновский язык - своеобразный «смешанный язык», возникший в результате контактов русского языка с алеутским (Меновщиков 1964; Вахтин 1985; Головко, Вахтин 1990; Головко 1994; 1996b; 2003; 2005).

Перечисление и краткая характеристика источников по русским пиджинам показывает, что сложность изучения данного идиома состоит не в скудости данных, а в их чрезвычайной неоднородности. Временной разброс составляет более 200 лет, территориальный - от Поволжья до Приморского края. В источниках отражены: 1) более ранние и более поздние варианты; 2) ареальные варианты, возникшие на отдельно взятых территориях; 3) этнолектные варианты, различающие речь людей в соответствии с их родным языком; 4) базилектные / мезолектные / акролектные варианты. Все эти параметры варьирования следует учитывать при описании сибирского пиджина.

История изучения русских пиджинов.

Как и другие подобные идиомы, **русские пиджины** долго не привлекали внимания исследователей. Соответствующие формы считались «испорченной, ломаной» речью, лишенной внутренней логики, и, следовательно, не представляющей интереса для науки. Важность изучения пиджинов для понимания процессов глоттогенеза также не осознавалась, равно как и вообще проблематика языковых контактов как важнейшего стимула языковых изменений.

Первое упоминание о существовании в приграничной Кяхте особого «торгового языка» появилось в очерках Е.Ф. Тимковского, сообщавшего, что появился особый язык, представляющий собой «сильно испорченный русский» - «смешанное наречие, на коем производят важные коммерческие дела Шааньсийцы на Кяхте с нашими купцами, которые никогда не учатся по-китайски» (Тимковский, 1824, II, 180-181).

Кяхтинский вариант первым привлек внимание лингвистов, что было следствием высокой степени его стандартизации. Стандартизация этого идиома происходила сознательно с китайской стороны: купцам вменялось изучение «русского языка», т.е. пиджина, в их распоряжении имелись соответствующие разговорники и словари, где слова записывались китайскими иероглифами (Александров 1884: 160). Благодаря этому кяхтинский вариант был осознан как особый язык и был «открыт» языковедами. Ему были посвящены первые четыре очерка по русским пиджинам (статьи С.Н. Черепанова, А. Александрова, Г. Шухардта, статья С.К. Булича из энциклопедии Брокгауза и Евфрона, подписанная: С. Б-чъ.). Одновременно в ненаучной литературе появляются произведения, содержащих цитации речи на пиджине. Из этих произведений мы узнаём, что русские пиджины существовали не только в Кяхте и Маймачине - сходные формы использовались при контактах с другими народами России. При этом в структурном отношении, равно как и в отношении лексического состава, эти языки оказываются очень сходными между собой, а также с кяхтинским языком.

С 1930-х гг. XX века практически одновременно вышли работы, посвященные двум русским пиджинам - русско-норвежскому и русско-китайскому языкам (Broch 1927, Broch 1930, Врубель 1931). О. Брок собрал и опубликовал все известные к тому времени материалы по руссенорску. Статья С.А. Врубеля, написанная в русле «нового учения о языке», касалась китайского этнолекта сибирского пиджина. Статья Врубеля дала толчок к сбору материалов по русскому пиджину А.Г.

Шпринцыным; его материалы не были опубликованы в полном объеме и хранится в отделе рукописей РНБ.

Вышедшая в 1957 г. статья А. Яблонской посвящена пиджину, употреблявшемуся вдоль КВЖД и в г. Харбине. Рассматриваются в первую очередь фонетические особенности различных этнолектов (китайского и «европейского»). В 1968 г. появилась небольшая статья А.Г. Шпринцына о китайско-русском пиджине Владивостока. Русские пиджины фиксировались и в ненаучной литературе (В.К. Арсеньев, И. Арамилев, Б.Ш. Бронский, С. Бытовой, Ю.Б. Симченко, А. Фадеев, А.М. Хазанович, А. Шелудяков, В.Я. Шишков и др.).

В целом изучение русских пиджинов до 1970-х гг. велось в одном русле. Фиксировались наиболее показательные черты: отсутствие флективной морфологии, особенности фонетики, совмещение форм личных и притяжательных местоимений, единая глагольная форма и др., но систематического анализа грамматики не проводилось. Многие статьи лишь обозначали тему, что не уменьшает их значимости. Это был совершенно логичный этап в изучении пиджинов.

Перелом в изучении пиджинов был связан со становлением креолистики и превращением ее в отдельную дисциплину. Новые идеи, разработанные на материале прежде всего «атлантических Кя», примеривали и к русским пиджинам. Как отражение этих идей в 1974 г. вышла статья И.Ш. Козинского «К вопросу о происхождении кяхтинского (русско-китайского) языка», где автор постулировал моногенез всех русских пиджинов из «средневекового языка “общения с инородцами”». В 1976 г. появилась статья Г. Ноймана, посвященная грамматическим особенностям кяхтинского варианта (в его распоряжении были только материалы Черепанова). В Норвегии шли поиски новых материалов по руссенорску - по архивным и литературным источникам. Найденные тексты, при этом, оказались аналогичны тем, которые уже имелись. Это было лишним доказательством высокой степени стандартизации руссенорска, хотя он и являлся редуцированным пиджином. Благодаря этому к настоящему моменту руссенорск - наиболее изученный русский пиджин: описаны его структура, словарный состав, история его формирования.

В 1980 году вышла статья Дж. Никольс, посвященная русским пиджинам. Она собрала цитации прямой речи, сходные с пиджином. Никольс разделила такие идиомы на: 1) китайско-русский пиджин; 2) «ломаный русский»; 3) «упрощенный русский». Первый «наиболее явно представлен в работах В.К. Арсеньева, отражён менее последовательно у А. Фадеева». Диагностическими чертами речи на пиджине Никольс считает утрату словоизменения, использование императивных форм для большинства глагольных основ, использование притяжательных местоимений в качестве личных. «Ломаный русский» представляет собой русскую речь с ошибками, главным образом, в словоизменении. «Упрощённый русский» - это русский язык «без собственно грамматических ошибок, но выделяющийся своим упрощенным синтаксисом, порядком слов, неудачным подбором лексики … Для него характерны рубленые предложения, отсутствие подчинительных союзов» (Nichols 1980: 398-399). Статья Никольс может рассматриваться как исследование постпиджинного континуума с выделением различных «лектов», в зависимости от их близости/удалённости от русского языка: «китайско-русский пиджин» соотносится с базилектом, «ломанный русский» - с мезолектом, а «упрощённый русский» - с акролектом.

Новые тенденции в изучении русских пиджинов появились в ходе Рабочего совещания по возникновению и функционированию контактных языков (М, 1986). Появились исследования, вводившие в научный оборот новый материал (доклады Е.А. Хелимского о таймырском пиджине; Е.В. Головко и Н.Б. Вахтина о смешанном языке алеутов о. Медный).

В 1985 г в ходе экспедиции в Приморский край автором были сделаны аудиозаписи пиджина, бывшего языком общения старшего поколения удэгейцев, нанайцев и китайцев, живших в среднем течении р. Бикин. Эти записи послужили основой для нескольких сообщений (Елоева, Перехвальская 1986; 1987). В последующие годы на Дальнем Востоке было записано значительное количество говорящих на пиджине (мезолекты). Часть собранных материалов стала основой для написания двух дипломных исследований (К.С. Сапунова, Т.О. Розанова)

Зарубежные исследования пиджинов и Кя давно вышли за рамки поверхностных описаний. В настоящей работе представлено систематическое описание грамматического строя и лексического состава сибирского пиджина в его дальневосточном варианте, в сопоставлении с другими пиджинами, возникшими на русской лексической основе.

Происхождение русских пиджинов. Данная проблема была сформулирована И.Ш. Козинским в статье 1974 г. По его мнению, русские пиджины восходят к одному источнику, являясь потомками «прото-пиджина», который образовался в ходе контактов русских с носителями алтайских или уральских языков, возможно, в эпоху Золотой Орды. К такому выводу Козинский пришёл, анализируя сами идиомы. Противоположная точка зрения - о полигенезе русских пиджинов - имплицитно присутствует в большинстве работ, посвященных конкретным идиомам.

Шухардт считал известные ему русские пиджины вариантами одного языка: «этот язык расположен вдоль всей китайской границы вплоть до Владивостока» (Шухардт 1884: 320). С. Люнден, исследовавшая происхождение руссенорска, предположила, что его некоторые черты имеют не «западное» (т.е. восходящее к норвежскому, саамскому и т.п. языкам), а «восточное» происхождение. Таковы местоимения *моя* ‘я, мой’ и *твоя* ‘ты, твой’ - по ее мнению, эти формы заимствованы из кяхтинского языка. Однако упоминание формы «моя» в русском азбуковнике XVII века, говорит о том, что некий вариант «торгового» языка, где использовались эти местоимения, существовал и раньше.

Интуитивно более приемлемой кажется теория полигенеза - пиджины создаются в зонах контакта независимо друг от друга. Однако она не объясняет, почему пиджины, возникшие в разных местах, в результате контактов с разными народами, имеют общие черты: 1) порядок элементов предложения SOV; 2) неизменяемые местоимения 1 л. ед. ч. *моя*, 2 л. ед. ч. *твоя*; 3) неизменяемую формы глагола, часто совпадающую с формой императива. Эти явления не выводимы из русского языка ни в каком его варианте (просторечие, диалект, арго, интер-язык, “недоученный русский”). В вариантах интер-языка, даже при утрате местоимением категории падежа, формой 1 л. ед. ч. останется *я*, но не форма притяжательного местоимения ж.р. *моя*. Параллельное появление таких форм трудно объяснить. Общие черты русских пиджинов оказываются несводимыми и к прагматическому коду.

Можно предположить, что в основе всех русских пиджинов лежит общий элемент, черты которого не сводимы к упрощенному или недоученному языку. Возможно, это был редуцированный русский пиджин, имевший собственные грамматические правила. Он действительно мог возникнуть в период освоения Урала и Сибири, а его распространителями были сборщики ясака, купцы и разные «бывалые люди». Они пользовались при общении с коренным населением особым вариантом языка, «языком для инородцев». Те черты, которые объединяют различные русские пиджины между собой, были свойственны этому «редуцированному коду» («прото-пиджину»). По-видимому, все сибирские разновидности русских пиджинов можно считать вариантами одного языка, а руссенорск представляет собой отдельный язык. Говорка разделяет с сибирским пиджином многие структурные черты, которых нет в руссенорске (наличие послелогов, выражение множественности при помощи квантификатора «всё», порядок слов OVS с подлежащим, выраженным личным местоимением, и др.). Это говорит о том, что говорка и дальневосточный пиджин оказываются значительно ближе друг другу, чем к руссенорску и, по существу, являются вариантами одного идиома. Хотя говорка и дальневосточные варианты разделены между собой тысячами километров, данные художественной литературы свидетельствуют о том, что на всем этом пространстве в XIX в. использовался сибирский пиджин, вариантами которого являются и кяхтинский язык, и язык Дерсу Узала, и говорка.

Косвенным свидетельством в пользу теории о том, что в основе русских пиджинов лежит один и тот же «язык для инородцев», говорит и тот факт, что «современные» контактные языки, независимо возникающие на основе русского языка, не разделяют указанных общих черт со «старыми» пиджинами.

Глава 3 «Грамматические особенности сибирского пиджина» посвящена лингвистическому анализу дальневосточного варианта сибирского пиджина. Выше было показано, что редуцированный пиджин и стабильный пиджин - это идиомы разного порядка. Поскольку на определенной стадии развития сибирский пиджин начал расширяться и стабилизироваться, разные стадии развития этого пиджина рассматриваются как отдельные сущности.

Проблема выделения **частей речи** в пиджинах ранее не была предметом специального исследования, поскольку данные идиомы в этом отношении рассматривались как продолжения своих языков-лексификаторов. Между тем, в случае русских пиджинов - это языки различных морфологических типов, а потому критерии выделения и набор частей речи в этих языках не могут совпадать. Существует три критерия выделения частей речи: 1) *семантический критерий*, в соответствии с которым слова делятся по своим «общекатегориальным» значениям; 2) *морфологический критерий* - части речи классифицируются по своим морфологическим характеристикам; 3) *синтаксический критерий* - части речи выделаются в соответствии с теми синтаксическими функциями, которые они выполняют в предложении.

Каждый из критериев, взятый в отрыве от остальных, не удовлетворителен для подавляющего числа языков. О неадекватности семантического критерия писалось уже много (Щерба 1974, Стеблин-Каменский 1974; Глисон 1959). Независимое использование морфологического и синтаксического критериев приводит к различным (часто противоречивым) результатам. Представляется справедливым утверждение М. Хаспельмата о едином «*морфосинтаксическом критерии*», который оказывается определяющим как при выделении частей речи в каждом конкретном языке, так и при отнесении лексемы к той или иной части речи (Haspelmath 2001). При этом в применении к изолирующим языкам «морфология» может пониматься в расширенном смысле. «Удельный вес» морфологических и синтаксических составляющих может варьировать, следует вспомнить часто цитируемое выражение И.А. Мещанинова: «Части речи - это морфологизованные члены предложения» (Мещанинов 1945). Это справедливо и для русских пиджинов, которые в силу своеобразия своего происхождения могут быть в какой-то мере уподоблены «возникающему» языку.

В *редуцированных формах русских пиджинов*, с их крайне бедной морфологией, казалось бы, следует опираться исключительно на синтаксический критерий, однако он оказывается недостаточным. В отличие от «естественного» языка, пиджин не имеет «жёсткой» грамматики; это касается и порядка слов в предложении. В такой ситуации интерпретация конкретного высказывания в большой степени определяется контекстом. Напр.: *кабан таскай* (Bk) может быть проинтерпретировано как ‘кабаны таскают (крадут)’, ‘тащи кабана’, ‘он кабана тащит/таскал/будет таскать/таскал бы’ и т.д. Интерпретация предложения зависит от контекста, который в этом конкретном случае указывает на такую интерпретацию: ‘нам приходилось подтаскивать кабаньи туши (к лодке)’. Тем не менее *кабан* всегда рассматривается как существительное, а *таскай* - как глагол. Понимание того, к какой части речи относятся лексемы, составляющие предложение, происходит ранее его интерпретации.

Можно предположить, что основой оказывается семантическая интерпретация слова *кабан* как Терма, а слова *таскай* - как Глагола. Тогда в пиджине определяющим при выделении частей речи окажется семантический критерий, т.е. поверхностные части речи совпадут с глубинными. В этом случае пиджин окажется едва ли не единственным типом языка, где части речи действительно выделяются на основе семантического критерия. Если это так, то понимание предложения вроде «Глокой куздры» на пиджине было бы невозможно, поскольку оно базируется на интерпретации грамматических значений. В переводе на сибирский пиджин это предложение, по-видимому, звучало бы примерно так: «Гэлокы кузэдэра бокэра мала-мала булдай. Бокэра сынка типерь булдай его». Оно, вне всякого сомнения, было бы понятно. Частеречная принадлежность всех слов очевидна, равно как и их роль в предложении. Следовательно, морфосинтаксический критерий может быть применён и к редуцированному пиджину, а части речи здесь могут быть выделены по формальным критериям. Остаётся выяснить, что это за критерии.

Предложение сибирского пиджина имеет тенденцию к порядку слов SOV; следующими по частотности при этом будут порядки SVO и OVS, если субъект выражен местоимением. Следовательно, *синтаксический критерий* также оказывается задействованным.

Русские пиджины стремятся к формальному выделению частей речи, прежде всего глагола, причём в сибирском пиджине и руссенорске этот процесс происходил независимо.

В руссенорске шел процесс формального выделения глагола: большинство глаголов получили исход на *-ом*: *drikkom* ‘пить’, *slipom* ‘спать’, *smotrom* ‘смотреть’, *kopom* ‘покупать’ и т.п. Этот элемент не несёт никакой иной информации, помимо того, что является показателем глагола. По

поводу его происхождения имеются различные точки зрения (обзор этой проблематики: Laakso 2001). В руссенорске встречаются глаголы, по форме сходные с глаголами сибирского пиджина - *grebi* 'грести, перевозить по воде'. Возможно, это остатки более ранних форм, восходящих к русской составляющей русско-норвежского пиджина.

В сибирском пиджине также произошло формальное выделение глаголов, которые в большинстве своём имеют исход на *-j/-i*: *болей, выгони, захорони, гоняй, незнай, ругай, сади* и т.п. Из зафиксированных в составленном мною Словаре сибирского пиджина 166 глаголов и глагольных форм, такая форма присуща 128 глаголам (подавляющее число исключений - мезолектные глагольные формы: *знаешь, говорю, мять*, всего 34 формы). Только четыре глагола имеют иной вид: *умеша, кушаху, поживу, ляг*. Модальный глагол *хóчу* 'хотеть' имеет варианты *хóчи* и *хычи*, причём последние два более частотны. Ряд глаголов не может быть возведен ни к одной из словоформ русского языка: *плáкай* 'плакать', *кричáй* 'кричать', *охóтай* 'охотиться' и т.д. Первые два образованы, по-видимому, от основ инфинитива, к которым добавился *-j* как формальный показатель глагола. Глагол *охотай* образован от существительного *охота* с добавлением глагольного показателя *-j*. «Новые» глаголы были образованы по той же модели - с сохранением формального глагольного показателя. То же касается глаголов, восходящих к словам иных языков: *карапчи* 'воровать', *каньтрами* 'рубить', *юли* 'грести, перевозить на лодке'.

Формальному выделению глагола и закреплению за *-i/-j* функции глагольного показателя могло бы помешать наличие русских прилагательных, оканчивающихся в им. п. м. р. ед. ч. на *-j*. Но в пиджине большинство слов, соответствующих прилагательным русского языка, имеют исход на редуцированный гласный и, по-видимому, могут быть возведены одновременно к формам прилагательных и соответствующих наречий: *хорошэ, ровнэ, красивэ, правильнэ, одинакэ, чистэ* и т.п. (всего в Словаре зафиксировано 18 таких слов). Эти слова являются определениями как при существительных, так и при глаголах и образуют класс атрибутов (см. ниже). Исход на *-j* сохранили лишь несколько прилагательных, с ударением на последний слог: *слепой, молодой, другой, чужой*. Зафиксирован случай перехода русского прилагательного в глагол пиджина, что произошло, по-видимому, по причине того, что форма русского прилагательного ед.ч. им.п. муж.р. с окончанием *-ый* была воспринята как глагольная: *фальшивий-ла* 'обманывал' (Chr). С точки зрения семантики все глаголы сибирского пиджина имеют прототипические значения: действия (*говори, колой, карапчи, кричай*) или состояния (*боли, посиди, спи*), в том числе ментального (*думай, знай*).

Формальное выделение существительного в редуцированных вариантах сибирского пиджина связано с появлением «квазисуффиксов». Существительное в пиджине, как и глагол, не выражает никаких грамматических категорий, это неизменяемое слово, которое может выступать в предложении в роли субъекта, прямого и косвенного объектов, а также может быть именной частью сказуемого. У многих существительных выделяется формант *-za*: *ukalainza* 'украинец'; *fanza* 'дом'; '*kitajza* 'китаец'; *moneza* 'деньги'; *lipahoza* 'леспромхоз'; *kupeza* 'купец'; *jajtza* 'яйцо'; *shisoza* 'шестьсот'. Из 193 существительных, зарегистрированных в Словаре сибирского пиджина, такой квази-суффикс имеют 34 слова.

Другим подобным формантом является элемент *-ka*: *jaseka* 'ящик'; *ibenka* 'японец'; *setuka* 'штука'; *sholeka* 'шелк'; *chacheka* 'чашка'; *soledatka* 'солдат'; *mishoka* 'мешок'. Всего таких слов зарегистрировано 37. Две трети всех существительных сибирского пиджина имеют исход на *-a* (145 из 193).

Двадцать одно существительное имеет исход на *-i*. Это, главным образом, слова, восходящие к формам множественного числа русского языка: *manty* 'манты'; *piliuli* 'лекарство'; *liudi* 'человек'. Девять слов имеют исход на *-n*: *гаолян, имен* 'имя', *ямынь* 'полиция', *кабан, ерлан* 'порция спиртного', *чифан* 'еда'. Лишь несколько существительных имеют исход на другие гласные: *-o* (4 слова) или *-u* (1 слово).

Таким образом, большинство существительных сибирского пиджина также имеют достаточно выразительную форму, хотя тенденция к формальному выделению существительного выражена менее последовательно. Семантически существительные выражают прототипические значения: предметы (*бутылка, фанза, колодиза* 'колодец'), людей и животных (*купеза, капитана, люди*), места и организации (*колхоза, больниза*). Некоторые существительные, однако, выражают несколько более абстрактные понятия: *война, воля, время, дело, работа, цена* - 6 слов.

Особым разрядом имен следует считать *личное местоимение*, которое также имеет неизменяемую форму и может употребляться во всех функциях, свойственных существительному, включая функцию приименного определения. Местоимения выделяются своей семантикой (как не имеющие постоянного денотата), а также тем, что с большей легкостью допускают дублетное варьирование: *мине/моя/во*; *тибе/твоя/ни*.

Атрибут выделяется по синтаксическому критерию, как класс слов, способных служить определением как существительного, так и глагола. Всего в Словаре зарегистрировано 20 слов, принадлежащих этому классу, 18 из них восходят к словам русского языка, одно слово (*хокан* ‘красивый, красиво’) заимствовано из китайского языка, и одно слово (*шанго* ‘хороший, хорошо’) является, видимо, словом монгольского происхождения. Атрибуты, восходящие к словам русского языка, имеют в исходе редуцированный гласный.

Наречия - слова, способные служить определением сказуемого, атрибута или другого наречия, но не существительного, играют в предложении роль сирконстантов (*дома* ‘дома, домой’, *низа* ‘вниз, внизу’, *деся* ‘здесь, сюда’). Наречия могут иметь разную форму, быть редуплицированными (*мало-мало* ‘немного, чуть-чуть’, *ели-ели* ‘еле-еле’).

Все *служебные части речи* редуцированных форм пиджина отнесены к разряду частиц. Русские пиджины разделяют с редуцированными пиджинами вообще стремление к минимизации служебных частей речи. В руссенорске есть один полифункциональный предлог (*po*) и один полифункциональный союз (*kak*). В редуцированной форме сибирского пиджина нет ни предлогов, ни союзов. Имеется показатель отрицания нету и вопросительные слова: *када* ‘когда’ и *како/какой* ‘какой, что, кто, как’. Малое количество служебных частей речи подчёркивает отсутствие морфологии в редуцированных вариантах пиджинов - здесь нельзя говорить о морфологии даже в «расширенном» понимании.

Расширенные варианты сибирского пиджина характеризуются усложнившейся грамматикой. Появляются грамматические показатели, прежде всего в системе глагола. В расширенных вариантах он приобретает «аналитическую морфологию».

Таблица 1. Видо-временные показатели глагола

Грамматическое значение	Показатель	Примеры	
Презенс, хабитуалис	*-0*	*говори*	*ломай*
Футурум	*бýду, бýди*	*говори буду*	*ломай буду*
Имперфектив	*ла*	*говори ла*	*ломай ла*
Перфектив	*éса/éси/ю*	*говори еса*	*ломай еса*
Плюсквамперфект	*была/юла*	*говори была*	*ломай была*

1) *За его* ***помешай*** *поторговай* ***буду*** (Chr) ‘Они будут мешать торговать’;
(2) *Мая* ***ходи была*** (Al) ‘Я уже приходил’;
(3) Люди помирай есть (Ar) ‘Люди умерли’;
(4) *Его* ***ломай ла ю*** (Ja) ‘Он заболел’.
В последнем примере имеется сочетание приглагольных показателей.

Таблица 2. Модальные показатели глагола

Утвердительная форма	Отрицательная форма	Примеры	
на́да	*нина́да*	*говори нада*	*ломай нада*
мо́жено	*нимо́жено*	*говори можено*	*ломай можено*
мо́гу	*нимо́гу*	*говори могу*	*ломай могу*
хо́чи	*нихо́чи*	*говори хочи*	*ломай хочи*

Таблица 3. Показатель приглагольного отрицания

Показатель отрицания	Примеры	
нету	*говори нету*	*ломай нету*

(5) *Эта либа* ***помирай нету*** (Shr) 'Эта рыба была живая';
(6) *Деся биз рукависа* ***ниможина*** (K) 'Здесь без рукавиц нельзя';
(7) *Адин люди* ***делай куши не могу*** (Vr) 'Один не может прокормить [семью]'.

Отрицательный показатель *нету*, а также модальные показатели могут сочетаться с показателями времени: *нету - ла, нада - буду, хочи - ла*, и т.д.:
(8) *Моя тайга ходи* ***нада ла*** (Ar) 'Мне пришлось идти в тайгу';
(9) *После отдавай* ***надо буду*** (Chr) 'Потом придётся отдавать'.

В более поздних вариантах (не ранее XX века) в имперфективе у глагола появляется число: формы ед.ч. получают окончание -*ла*, а формы множественного числа окончание -*ли*, при этом показатель прошедшего времени из аналитического превращается в синтетический, т.е. в собственно окончание. В мезолектных вариантах появляются формы других времен, лиц и чисел, однако их употребление оказывается спорадическим и непоследовательным. Имеются дублеты, образованные от разных форм: *посиди - сиди; сади - посади-ли, гуляй - погули, выгони - гони, посади - сади, думай - подумай*. Имеющиеся материалы дают основания полагать, что перед нами этимологические дублеты с синонимичным значением.

Как показывает приведенный материал, сибирский пиджин, подобно другим расширенным пиджинам и креольским языкам строит «новую грамматику» при помощи аналитических средств, однако сам набор приглагольных показателей, а также их положение (постпозиция по отношению к глаголу), не совпадает с постулируемой для Кя «универсальной» системой (см., например, Томасон 1974). Тем самым русские пиджины опровергают конкретные построения универсалистов.

Существительное не выражает грамматических категорий, может выступать в предложении в роли субъекта, актантов при глаголе, а быть именной частью сказуемого; оно может сочетаться с квантификаторами и быть определено другим существительным, местоимением или атрибутом:
(10) Эта **люди** патом **дзимли** кападзи (K) 'Этот человек потом копал землю';
(11) Сам **город** пашол иво (Bk) 'Сам он уехал в город';
(12) **Бульдозера** ровно делай (K) 'Бульдозером равняли';
(13) Tvaja **tri sonca** kupi jest (Sch) 'Ты уже покупал [это] три дня назад';
(14) Кушай **маленька рюмка** (K) 'Пей маленькими дозами'.

В кяхтинском варианте существительное сочетается с показателем субъекта *за*. В дальневосточном и кяхтинском, как и в говорке, существительное может иметь при себе послелог. В мезолектных вариантах существительное может иметь при себе предлог.

Личные местоимения выполняют в предложении все функции, присущие существительному, а также способны играть роль определения при существительном, выступая в роли притяжательных местоимений. Ниже дана таблица местоимений в разных вариантах сибирского пиджина.

Первоначально формы 3-го лица не различались по числу. Исключением оказывается бикинский вариант, где появляется отдельная форма 3-го лица мн. числа. Записи Врубеля, отражающие китайский этнолект пиджина, содержат только китайские варианты местоимений. В

записях второй половины XX в. появляются акролектные формы: *я, ты*, которые оказываются единственным возможным вариантом в этнолекте тазов.

Таблица 4. Личные местоимения в разных вариантах русских пиджинов

Вариант	1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	3 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.	3 л. мн. ч.
(Chr)	*мая*	*тиби/твая*	*ево*	*наша*	*ваша*	*ево*
(Sch)	*moja*					
(Vr)	*мая/во/воды*	*тиби/ни/ниды*		*во мынь*	*ни мынь*	
(Ja)	*maja*	*tvaja/tibi*				
(Shr)	*мая*	*тибе*	*иво*			
(Bk)	*я/мине*	*ты/тибе*	*йиво*	*наса*	*васа*	*ихинь*
(K)	*мая/я/тибе*	*ты*	*иво*	*наса*	*васа*	*иво*
(Kk)	*мая/я*	*тибе/ты*	*иво/ана*	*наша*	*ваша*	*иво*
(Tz)	*я*	*ты*	*ана*	*мы*		

В расширенных вариантах пиджина появляются местоимения других разрядов: указательное местоимение *эта/чега* ‘этот’.

(15) *Чега фанза шипко шанго* (Ja) ‘Этот дом очень хороший’;

В кяхтинском языке, а также в записях Арсеньева указательных местоимений не обнаружено. В записях Шпринцына местоимение *эта* играет роль анафорического местоимения, приближаясь по значению к артиклю: ср.:

(16) *Хэцзю либа купила, **эта** либа помилай нету. **Эта** вода пусыкайла, **эта** либа убижала* (Shr) ‘Хэцзю купил рыбу, рыба была живая. Он пустил ее в воду, рыба уплыла’.

Неопределённые местоимения *чего, чего-чего* ‘нечто, нечто разное, нечто подобное, всякое’ являются характерной чертой пиджина. Чаще всего они употребляются как местоимения-существительные:

(17) *Хэцзю фамили чиво-чиво купила* (Shr) ‘Хэцзю купил всякого разного’;

Вопросительное местоимение *какой*, по-видимому, было единственным вопросительным словом, с его помощью строились «вопросительные конструкции»:

(18) ***Какой люди** хочу канка?* (Ja) ‘С кем ты хочешь увидеться?’;

(19) *Ты за моя **какой** май-май?* (Al) ‘Что ты хочешь у меня купить?’;

В расширенных вариантах пиджина также выделяется атрибут. Вследствие сравнительной узости сфер употребления пиджина, количество атрибутов невелико - их зарегистрировано всего 20. Степени сравнения у атрибутов отсутствуют, соответствующие значения передаются лексически, ср.:

(20) *Лан тоже **нимношка малады*** (Tz) ‘Лан немного моложе <меня>’.

Важной проблемой является выделение служебных слов в расширенных вариантах сибирского пиджина. Многие из них находились в процессе грамматикализации. Таковы приглагольные видо-временные показатели (см табл.). Все они, как видо-временные, так и модальные, а также отрицание, занимают положение после глагола. Этот факт представляется существенным для определения роли субстрата в формировании пиджина. Его можно объяснить лишь влиянием языков алтайской (или уральской) семьи.

Видо-временные показатели

Показатель *буду* относит действие к будущему. Он встречается в кяхтинском, во всех источниках XIX в. и в большинстве источников XX в.

(21) *Ну сама воля, поселя пожалей буду* (Chr) ‘Ну, как знаешь. После пожалеешь’;

В мезолектных вариантах этот показатель уже не встречается.

Показатель *еса/еси/ю* восходит к русскому бытийному глаголу, имел дублетную форму *ю*, которая восходит к китайскому глаголу «иметься». Этот показатель обозначает: 1) действие, происходящее обычно или длительно; 2) происходящее в момент речи; 3) результат действия:

(22) *моя мала-мала* ***читай еси*** (Vr) ‘Я немного читаю’;

(23) ***Ходи есть***. *Не знаю.* (Ar) ‘Кто-то ходит, не понимаю, кто’.

(24) *tvaja tri sonca* ***kupi jest’*** (Sch) ‘Ты уже купил эти три дня назад’;

Основываясь на примерах, имеющихся в нашем распоряжении, трудно определить инвариант значения для этого показателя.

Показатель *была/юла* встречается в источниках всего несколько раз, по-видимому, он обозначал действие, закончившееся относительно другого действия. Ни в записях Арсеньева, ни в современных записях этот показатель не зафиксирован.

(25) *Сонца юла и ми юла ... Караула сыпила юла, мая фангули акыно* (Shr) ‘Солнце всходило и заходило ...<Когда> караул уснул, я разбил окно’;

Показатель *ла* не выделялся ни Черепановым, ни Александровым: глагольные формы с показателем *-ла* представлялись заимствованиями из русского языка: *ходила, купила, говорила* и т.д. На необычный характер данного показателя обратил Шпринцын, считавший «формант *-ла* ... совмещением русского суффикса *-л-* (в китайском произношении *-ла*) с китайским видо-временным показателем *-la*» (Шпринцын 1968: 94), ср.: *кончайла* ‘закончил’, *берила* ‘взял’, *ломайла* ‘сломал’, *хочула* ‘хотел’, *нетула* ‘не было’, которые были составлены в пиджине по имеющимся моделям.

(26) *моя тайга ходи* ***нада ла*** (Ar) ‘мне пришлось идти в тайгу’;

Показатели модальности *нада, можено, могу* и *хочи* выражают основные модальные значения, первоначально занимая место после глагола; с отрицанием образуют формы *нинада, ниможено, нимогу, нихочи*. Уже в «старых» пиджинах эти показатели превращаются в собственно модальные глаголы, в мезолектных вариантах этот процесс завершается:

(27) *Воды па русски* ***ни магу*** (Vr) ‘Я по-русски не умею <говорить>’;

В базилектных формах показатель отрицания *нету/ниту* также был постпозитивным:

(28) *Рыба лови понимай тоже* ***нету*** (Ar) ‘Рыбу ловить я тоже не умею’.

В записях китайского этнолекта пиджина встречаются показатели отрицания китайского происхождения *ми* (приглагольное отрицание) и *бу* (приименное отрицание):

(29) *Чега фанза* ***бу*** *шанго* (Shr) ‘Этот дом не хорош’.

Уже в «старых» пиджинах встречается препозитивный показатель отрицания *ни*. Не зарегистрировано ни одного случая совместного употребления *ни* и *нету*. Эти показатели находятся в ситуации свободного варьирования, хотя *нету* отмечается в «более базилектных» вариантах.

Как показывает представленный материал, дальневосточный вариант сибирского пиджина прошёл стадию расширения и стандартизации, в ходе которой сформировал аналитическую «морфологию», не заимствованную из русского языка. В дальнейшем этот расширенный пиджин подвергся своеобразной «коррозии», вступив в стадию постпиджинного континуума.

Структура простого предложения в сибирском пиджине

Одной из черт редуцированного пиджина является отсутствие морфологии даже в «широком понимании» (отсутствие служебных частей речи). В такой ситуации значение актантов интерпретируется в соответствии с их семантической ролью:

(30) ***Питиса*** *литай еса* (Chr) ‘Птица летает’ (Агенс);

(31) ***Кухайка тёплэ шетаны*** *исё делай* (K) ‘[Мы] шили фуфайки, тёплые штаны’ (Пациенс);

(32) jevó dúmaj majá **jevó** čéna daváj (Ja) ‘Он думает, что я дам ему денег’ (Реципиент);

(33) *Сам* ***город*** *пошёл йиво* (Bk) ‘Он сам уехал в город’ (Направление);

(34) *Ащаса тока картошка сади, сё* ***магазина*** *купи араньше не* (Tz) ‘Теперь только картошку сажают, всё покупают в магазине, раньше не так’ (Источник);

(35) *Потом йиво* ***лодка*** *ходи* (Bk) ‘И он уплыл на лодке’ (Средство передвижения);

(36) ***Одина дена*** *шесть рубли заработай* (Vr) ‘За один день заработал шесть рублей’ (Период времени).

Все аргументы выражены однотипно, никакого формального различия между ними нет, не выделяются и главные члены предложения. Поскольку в пиджине отсутствует категория залога, семантическая роль Агенса всегда соответствует синтаксическому отношению Субъекта, а роль Пациенса - Прямому Объекту. Формально семантические роли могут быть выражены только

порядком слов, однако конкретная интерпретация предложения делается только с опорой на контекст.

В сибирском пиджине порядок слов стремится к SVO или к OVS, если субъект выражен местоимением. Если предложение содержит, помимо субъекта и прямого объекта, другие аргументы, то прямой объект стремится занять положение непосредственно перед глаголом, ср. (32). Все неглавные аргументы (за исключением временного сирконстанта) чаще всего занимают положение перед O, но после S:

(37) *Нада липахоза катер чо вази-ла* (K) ‘Надо было катером возить в леспромхоз разные вещи’.

Для того, чтобы сделать аргументную структуру предложения более ясной, ситуация членилась на элементы, каждый из которых описывается простым предложением:

(38) *Хэцзю либа купила, эта либа помилай нету, эта либа купила. Эта вода пусыкайла, эта либа убижала.* (Shr) ‘Хэцзю купил рыбу, рыба была живая, такую рыбу купил. Пустил ее в воду, рыба уплыла’;

Такая сегментация текста является характерной для всех вариантов сибирского пиджина и для других русских пиджинов. Стоит вспомнить характерные черты прагматического кода: «соотношение именных основ при глаголе минимально, приблизительно 1:1». По замечанию Дж. Никольс, «лаконичность высказывания является характерной чертой русских пиджинов (Nichols 1980: 406).

В расширенных вариантах сибирского пиджина появляются формальные способы маркирования актантов. В к кяхтинском имеется показатель субъекта *за*:

(39) *- Почето за ваша женушеки сюда походи ниту? - Закона ниту; за ево помешай поторговай буду.* (Chr) ‘Почему же ваши жёны сюда не приезжают? - Закон запрещает, потому что они будет мешать торговле.’

Как в кяхтинском, так и в других расширенных вариантах сибирского пиджина появляются послелоги. Ср.:

(40) *Я **компания** ходи* (Bk) ‘Он ходил со мной’;

(41) *Ивана дома **сепасибо*** (Chr) ‘Благодаря дому Ивана’.

Послелог *место* известен также в говорке: «Этот послелог стал, как кажется, наиболее приметным признаком пиджина, его приметой» (Хелимский 2000, 389).

Частотным способом уточнения значения сирконстантов явилось употребление дейктических наречий.:

(42) *Ходим **сюда** ихинь дом* (Bk) ‘Он приехал в их дом’

Выражение числа. Существительное само по себе не несет информации о количестве предметов:

(43) *Мы приехал корейса **фанза*** (Tz) ‘Мы переехали в корейские дома’. Речь идет о переселении тазов в опустевшую деревню корейцев. Очевидно, говорится о многих домах.

Имелись лексические способы выражения квантитативных значений в имени. При необходимости выразить единичность использовался квантификатор *адин*:

(44) *За тиби одина дена походи нету, за моя соли повеси буду.* (Chr) ‘[Если] ты не придешь [хотя бы] один день, я повешусь от горя’.

Точное число предметов выражается соответствующим числительным:

(45) ***Два** мамка была папа* (Bk) ‘У [моего] отца было две жены’.

В расширенных вариантах происходила грамматикализация средств передачи квантитативности, употребляются квантификаторы *(м)ного* и *(и)се/(и)сё* (рус. *все/всё*). Е. Хелимский отмечает сходное явление для говорки: «Последний тип очень характерен для говорки (*дяринга се* ‘все парни; парни’, *казку се* ‘все сказки; сказки’) и, возможно, должен считаться аналитическим множественным числом.» (Хелимский 2000: 385).

Грамматические особенности мезолектных вариантов пиджина

К мезолектным относится большинство записей пиджина конца XX в. Как мезолектные можно рассматривать и большую часть цитаций в художественной литературе. Характерной чертой мезолектных вариантов является вариативность.

Местоимение: пиджинные формы находятся в ситуации свободного варьирования с русскими формами: *он/иво, я/моя:*

(46) ***Его, он*** *кушал бесплатно* (Bk) ‘А он-то жил за государственный счёт’;

(47) ***Я*** *богатый...* ***мой*** *сидеть не любит, тайгам гулял* (Shk) ‘я богатый... я не люблю сидеть на месте, кочую по тайге’

Существительное: отсутствует категория рода, число и падеж выражаются непоследовательно:

(48) *Это* ***мой*** *дочка... одна осталась* (Shk) ‘Это моя дочь, одна осталась’.

Глагол: неизменяемые формы на *-j/-i* варьируют со спрягаемыми формами, которые согласуются с подлежащим:

(49) *Ухо ни* ***слыши****, галава* ***бали****, кости* ***бали****, я еле-еле* ***ходит*** (Tz) ‘Слышу плохо, голова болит, кости болят, я еле хожу’

Порядок слов в предложении SOV является одной из самых устойчивых черт всех вариантов пиджина:

(50) *Теперь в аулах, ай-ай, тормаша идёт, всякий хурда-мурда будет в балка тащить* (Tl) ‘Сейчас в аулах все с ног сбились, будут пожитки стаскивать в балку’.

Постпозиция видо-временных и модальных показателей во многих случаях сохраняется:

(51) *Вот пойдем, оленей глядеть будем* (Shk) ‘Давай разводить оленей’.

(52) *Шамиль наиб пошлёт, а сам труба смотреть будет [А далеко ли Шамиль?] Далеко нету.* (Tl) ‘Шамиль пошлёт военачальника, а сам будет смотреть в трубу. А далеко ли Шамиль? Не далеко.’

Сохраняется и характерная для пиджинов сегментация текста на простые предложения:

(53) *Это мой баба. Шибко хорошо стрелят, медведя бил, шибко много* (Shk) ‘Это моя жена. Она очень хорошо стреляет, много медведей добыла’.

Мезолектные варианты пиджина сохраняют многие базилектные черты, которые, однако, находятся в состоянии свободного варьирования с формами, совпадающими с формами русского языка.

Лексический состав дальневосточного варианта сибирского пиджина

Для изучения лексического состава пиджина был составлен словарь, позволяющий сопоставить лексемы, встречающиеся в разных источниках - всего 680 единиц. Все варианты написания и произношения слов сведены к некоторому инварианту, представленному заглавным словом. В этом качестве выбран русский этимон. Фиксировалась частотность данного слова (в каких источниках оно зафиксировано и сколько раз встречается в каждом источнике). Это позволило представить распространенность лексемы в разных вариантах пиджина и выявить лексическое ядро этого идиома: 65 слов - около 10% словаря (см. таблице ниже).

Обращает на себя внимание крайняя скудность словаря. В этот список попали прежде всего дейктические слова: личные местоимения, вопросительные слова, числительные. В списке 12 глаголов и 13 существительных. Большая часть полнозначной лексики связана с бытовыми занятиями: *кушай, сиди, работай, дом, хлеб. дрова*, или с торговлей: *купи, магазин, рубль*. Иные сферы человеческой деятельности не нашли отражения в ядерной лексике пиджина.

Лексические единицы пиджина имели предельно широкое значение, которое уточнялось с опорой на контекст. Так, существительное *люди* (зарегистрировано в семи источниках) имеет в пиджине следующие значения: 1. человек; 2. люди (множ.); 3. народ (собират.); 4. любое живое существо; 5. предмет или явление. Эта же лексема входит в состав сложного вопросительного слова *какой люди?* ‘кто?’.

(54) *За твоя Микита дрянь люди* (Chr) ‘Твой Никита дрянной человек’;

(55) *Тайга много разный люди есть* (Ar) ‘В тайге много различных обитателей’.

(56) *Какой люди хочу канка?* (Ja) ‘С кем ты хочешь увидеться?’.

Глагол ломай/ломай-ла/лома-ла употребляется для обозначения широкого поля значений: ломать, портить, рубить, ломаться, портиться, разбиваться, болеть:

(57) *Его курица яйцэ эта ломай* (Spr) ‘Он разбил эти яйца’;

(58) *Его ломайла ю мэй ю?* (Ja) ‘Он заболел?’.

Таблица 6. Наиболее употребительные слова сибирского пиджина

1. моя

2. не

3. надо

4. купи

5. люди
6. тебе
7. ходи
8. была
9. говори
10. его
11. нету
12. фанза
13. еса
14. дом
15. ещё
16. когда
17. один
18. пампушка
19. рыба
20. сейчас
21. солнце
22. сюда
23. только
24. три
25. хочу
26. шанго
27. это
28. ваша
29. всё
30. далёко
31. делай
32. какой
33. кушай
34. магазин
35. мала-мала
36. маленький
37. много
38. мясо
39. наша
40. ничего
41. ну
42. помирала
43. пошёла
44. работай
45. сама
46. сиди
47. совсем
48. старый
49. сын
50. такой
51. там
52. твоя
53. тоже
54. ты
55. хлеб
56. ну
57. хороший
58. чего

59. шибко
60. я
61. искай
62. дрова
63. закон
64. ломай
65. рубль

Этимологический анализ лексики пиджина. Подавляющее большинство лексических единиц пиджина восходит к словам русского языка, однако в нём имеются также слова иного происхождения, хотя распределяются они неравномерно по разным источникам.

Слова монгольского происхождения характерны прежде всего для кяхтинского варианта, что объясняется широким использованием монгольского языка как языка межэтнического общения в XVII-XVIII вв.

Много зафиксированных слов восходит к китайскому языку (в записях Врубеля, Яблонской и Шпринцына), напр.: *ерлан* ‘порция спиртного’ (Ja); *куня* ‘дочь, девушка’ (Ja, Vr); *миамбо* ‘хлеб’ (Ja); *лянсуй* ‘вода’ (Vr); *каньтрами* ‘рубить, рубить голову’ (Vr); *сахуан* ‘врать’ (Vr); *ниды* ‘ты, твой’ (Ja, Vr); *чега* - ‘этот’ (Shr, Ja); *татады* ‘большой’ (Vr); *хокан* ‘красивый’ (Ja); *игаян* ‘одинаково, всё равно’ (Vr); *лянга* ‘два’ (Ja). Среди них есть также служебные слова и междометия: *лайба* ‘иди сюда’ (Vr); *ба!* побудительная частица: *бери-ба!* ‘бери-ка’ (Shr).

К влиянию китайского языка можно также отнести и образование новых слов путём редупликации: *играй-играй* ‘торговаться на базаре’ (Ja, Vr); *гуляй-гуляй* ‘развлекаться’ (Ja); *мур-мур* ‘говорить’ (Ja); *юли-юли* ‘грести, перевозить на другой берег’ (Vr).

Зарегистрировано очень небольшое количество слов иного происхождения: *ая* ‘ладно, хорошо’ (Bk) (удэг. *aja*); *нинка* ‘китаец’ (Bk) (удэг. *niŋka*); *амба* -‘тигр’, ‘дух тайги’ (Ar) (нан. *amba*).

Анализ лексического состава пиджина показывает, что даже на стадии расширенного пиджина его словарь был всё же значительно более скудным, чем словарь обычного языка. В собранном словаре сибирского пиджина полностью отсутствует абстрактная лексика, синонимия, стилистические варианты.

Заключение

Анализ представленного материала дальневосточного варианта сибирского пиджина позволяет сделать несколько выводов, касающихся как истории формирования и особенностей функционирования данного пиджина, так и процессов пиджинизации и креолизации вообще. В процессе формирования данного пиджина можно выделить несколько взаимодействующих процессов и несколько взаимодействующих языковых составляющих.

В основе данного и иных (руссенорск) исторически засвидетельствованных пиджинов, сформировавшихся с участием русского языка, был сложившийся к XVII веку особый регистр «общения с инородцами», к настоящему времени исчезнувший. К этой составляющей относятся личные местоимения *моя* и *твоя*, использование императивных форм глагола как неизменяемых, порядок слов SOV.

Указанные черты сформировались в результате контактов русских с представителями народов, говоривших на языках алтайской или уральской языковых семей. Возможно, этим языком или одним из этих языков был монгольский, игравший роль языка-посредника в Южной Сибири и на Дальнем Востоке.

К концу XVIII века на этой основе возникли различные варианты редуцированных русских пиджинов в местах интенсивных контактов русских с народами Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Один из вариантов такого пиджина использовался и в ходе русско-китайской торговли в Кяхте и китайском Маймачине. По-видимому, его привнесли русские купцы, имевшие опыт общения с другими «инородцами».

Кяхтинский вариант пиджина стабилизировался благодаря тому, что допущенные к торговле с Россией китайские купцы изучали его по существовавшим у них пособиям и словарям. Китайский язык в торговых сделках исключался по инициативе китайской стороны. Таким образом, кяхтинский вариант имел норму, которой овладевали обе контактирующие стороны. Этот идиом был «расширенным пиджином», выработавшим «аналитическую морфологию». Источниками

построения «новой» грамматики на основе редуцированного пиджина можно считать как структуры языка-лексификатора и языков субстрата, так и универсальные механизмы построения языка.

Кяхтинский язык распространился по всему русско-китайскому пограничью, после постройки КВЖД он стал языком общения вдоль этой железной дороги, а также в городе Харбин. Его грамматическая структура продолжала расширяться, однако возникла значительная вариативность, связанная, в частности, с появлением выраженных «этнолектов».

С прекращением официальной торговли в Кяхте, а также с присоединением Приморья к России дальневосточный вариант сибирского пиджина распространился на всё Приамурье и Приморье, им стали пользоваться коренные народы этих территорий. Одновременно с этим происходило территориальное дробление пиджина, фактически, размывание существовавшей в Кяхте нормы.

В связи с наплывом русского населения с начала XX века, открытия школ, создания советской инфраструктуры русские пиджины повсеместно вступили в ситуацию «постпиджинного континуума», в результате чего базилектные, наиболее удалённые от собственно русского языка формы стали исчезать из языка, заменяясь на формы, приближенные к русскому. Пиджин окончательно утратил норму и фактически разделился на идиолекты, каждый из которых в какой-то степени сохранил собственно пиджинные (базилектные) черты, которые варьируют с формами, заимствованными из русского языка. В настоящее время остаточные черты пиджина характерны для речи представителей старшего поколения представителей сибирских народностей.

Такой представляется история формирования сибирского пиджина. Эти данные являются интересными для креолистики в целом, поскольку проливают свет на то, как происходит процесс пиджинизации и дальнейшее построение грамматики «с нуля». Нет оснований принимать какую-то одну теорию пиджинизации и креолизации, категорически отметая остальные. В ходе расширения русского пиджина новая грамматика строилась из русского материала, и этот материал, представлявший собой конкретные лексемы, сохранявшие остаточные морфосинтаксические свойства, безусловно, оказывал влияние на строящуюся грамматику пиджина (ср. «морфологизацию» частей речи). В то же время функционирование некоторых показателей (перфектив на *-ла*, показатель множественности сё, редуплицированные местоимения) свидетельствует о влиянии китайского языка. В свою очередь, появление послелогов, послеложное положение приглагольных показателей, в том числе и показателя отрицания, говорит о влиянии со стороны алтайских языков, возможно, монгольского. И, наконец, линейная структура предложения (от темы к реме), разбиение ситуации на составляющие, уменьшение числа актантов в предложении можно считать универсальными механизмами пиджинизации.

Как показывает приведенный материал, сибирский пиджин, подобно другим расширенным пиджинам и креольским языкам строит «новую грамматику» при помощи аналитических средств, однако сам набор приглагольных показателей, а также их положение (постпозиция по отношению к глаголу) не совпадает с постулируемой для креольских языков «универсальной» системой (см., например, Томпсон 1972). Тем самым русские пиджины опровергают многие конкретные построения универсалистов.

Таким образом, пример русских пиджинов подтверждает справедливость компромиссного подхода к решению проблемы возникновения пиджинов и креольских языков. Безусловно, в их формировании принимали участие разные факторы. Поэтому от построения отвлеченных схем формирования языков данного типа следует перейти к детальному лингвистическому анализу доступного материала, чему и посвящена данная работа.

В **Приложениях** даётся составленный автором Словарь сибирского пиджина в его дальневосточном варианте, образцы тестов на разных русских пиджинах с комментариями, а также карта распространения русских пиджинов.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

а) монографии и главы в коллективных монографиях:

1. Доримская Швейцария (языки и этносы) // Романо-германская контактная зона. Языки и диалекты Швейцарии. Л., «Наука», 1990, с. 149-163.

2. Французский язык в Люксембурге // Романо-германская контактная зона. Языки и диалекты Люксембурга. СПб., «Наука», 1993, с. 172-199.

3. Русские пиджины. Учебное пособие. (5,4 а.л.). Изд-во СПбГУ, 2006.

б) статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Говорит женщина… // Искусство кино, 1991, № 6, с. 29-32.

2. «Речь для инородцев» и формирование русских пиджинов // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2006, № 1, сс. 43-56.

3. Части речи в русских пиджинах // Вопросы языкознания, 2006, № 4, сс. 7-26.

в) статьи, опубликованные в сборниках научных трудов и периодических изданиях:

4. О значении предлога *kon* в креольском языке чабакано // Лингвистические исследования 1981. Грамматическая и лексическая семантика. М., 1981, с. 168-170.

5. Структура простого предложения в креольском языке Гаити // Лингвистические исследования.1982. Структура и значение предложения. М., с. 161-165.

6. Типологические параллели между французским и кельтскими языками (указательные местоимения) // Лингвистические исследования.1983. Функциональный анализ языковых единиц. М., 1983. с. 162-164.

7. Типологические параллели между французским и кельтскими языками (выделительные эмфатические конструкции) // Лингвистические исследования.1984. Грамматика и семантика предложения. М., 1984. с. 154-158.

8. К вопросу об историческом формировании Black English // Лингвистические исследования. 1984. Структура языка и языковые изменения. М., 1984, с. 148-153.

9. Языковые контакты и «прагматический код» // Лингвистические исследования. 1986. Социальное и системное на различных уровнях языка. М., 1986, с. 172-176.

10. Phonetic peculiarities of the Far East Pidgin Russian // Proc. of the XI-th Int. Congress of Phonetic Sciences. Tallinn, 1987, pp. 165-168 (совм. с Ф.А. Елоевой).

11. Руссенорск как пример начального этапа формирования пиджина // Возникновение и функционирование контактных языков. Материалы рабочего совещания. М., 1987, с. 63-67.

12. Идеальная реконструкция и реальное время. Основания верификации // Теория Верификации лингвистических отношений. Межвуз. сб. научн. трудов. М., 1988, с. 115-124.

13. Russian-Norwegian *po* reconsidered // Journal of Pidgin and Creole languages. V. 4. 1989, p. 287-289 (совм. с В.И. Беликовым).

14. Динамика языковых сдвигов в условиях англо-ирландского билингвизма // Диахроническая контрастивность германских языков. Тверь, 1991, с. 116-126 (совм. с Т.А. Михайловой).

15. Тазов язык // Красная книга народов России. Энциклопедический словарь-справочник. М., 1994, с. 50-51. 2-е изд. М., 2002, с. 170-174, (совм. с В.И. Беликовым).

16. Статус идиома и этническое самосознание // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., Изд. МГУ, 1997, с. 5-11.

17. Ethnic language education (community based approach) // Stabilizing Indigenous Languages Conference. Univ. of Arizona Press, Tucson, 2001, p. 10-26.

18. Проблема доказуемости результатов языковых контактов // Материалы XXX межвузовской научно-методической конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 21. Секция общего языкознания. Ч. 2, 1-17 марта 2001 , 2001, с. 13-19.

19. Гендер и грамматика // Язык - гендер - традиция: Материалы международной научной конференции. Пропповский центр, 2002, с. 110-118.

20. Quantification in the Russian- Chinese Pidgin // Collection of papers of the Int. Symp. on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia (ed. P. Suihkonen and B. Comrie), Udmurt state Univ., Max Plank Institute for evolutionary anthropology, p. 153-163.

21. Выражение числа в русско-китайском пиджине // Лингвистика. История лингвистики. Социолингвистика: Сб. статей (ред. К.А. Долинин), СПб, с. 191-205.

22. What “lect” do we speak? // Ethnic culture. Traditions and innovations (ed. R. Apanavicius), Vytautas Magnus Univ., Kaunas, 2004, p. 289-294.

23. «Преметафорическая» стадия развития языка // Теоретические проблемы языкознания. Сб. статей к 140-летию каф. общего языкознания фил. ф-та СПбГУ, (ред. Л.А. Вербицкая, Т.В. Черниговская), 2004, с. 76-98 (совм. с Ф.А. Елоевой).

24. Clause structure in the Russian-Chinese Pidgin // Proceedings of the Intern. Symp. «Typology of Argument structure and grammatical relations». (Eds. B. Comrie, P. Suihkonen, V. Solovyev), Kazan state Univ., Max Plank Inst. for Evolutionary anthropology, p. 94-97.

25. «Морфологизация» глагола и имени в русских пиджинах // Проблемы типологии и общей лингвистики. Межд. Конф., посвященная 100-летию со дня рожд. проф. А.А. Холодовича. Материалы. СПб 4-6 сент. 2006 г., СПб 2006, с. 110-114.

г) тезисы докладов, опубликованные в материалах международных и всероссийских конференций, конгрессов, симпозиумов:

1. Пути языковой интерференции (пиджины и цыганские диалекты // III Всесоюзная школа молодых востоковедов. Звенигород. окт. 1984. Тез. докл. Т. II, ч. II: Языкознание. М., 1984, с. 193-195. (совм. с .А.Ю. Русаковым).

2. Диалекты в условиях интерференции // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка. Ужгород, 18-20 сент. 1984 г. Тез. докл. М., 1984, с. 88. (совм. с А.Ю. Русаковым).

3. Языковые контакты и глоттохронология // Диалектика формы и содержания в языке и литературе. Тез. докл. Тбилиси, Изд. Тбил. гос. Ун-та, с. 114-116 (совм. с А.Ю. Русаковым).

4. Синкретизм в культуре креольских обществ (европейские и африканские влияния на Гаити) // IV Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тез. докл. Т. III, Языкознание. М., «Наука», 1986, с. 137-139.

5. К формированию французского синтаксиса // Современные проблемы романистики. Тез. докл. Калинин, 1986, с. 69-70.

6. К характеристике дальневосточного контактного языка // Историко-культурные контакты алтайской языковой общности. Тезисы и доклады 29-й сессии PIAK, Т. 2. М., 1986 (совм. с Ф.А. Елоевой).

7. К проблеме слов с двойной этимологией.// Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников Ин-та востоковедения АН СССР. Т II Языкознание, литературоведение. М., 1987, с. 106-109.

8. Звуковые соответствия в креольских языках // Историческое развитие языков и методы его изучения. Тез. докл. межвузовской конференции. Ч 1, Свердловск, Изд. Свердловского гос. ун-та, 1988, с. 21-22.

9. Императив в креольском языке Гаити // Императив в разноструктурных языках. Тез. докл. конф. Ленинград, 1988, с. 99-100.

10. Региональный вариант английского языка в Ирландии (синтаксис) // Язык и культура кельтов. Материалы раб. совещания. М., 1988, с. 23-25.

11. Английский язык Ирландии (некоторые аспекты языковой ситуации) // Билингвизм и диглоссия. Тез. докл. конф. М., 1989, с. 149-163.

12. Результаты русско-удэгейских языковых контактов // Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Тез. докл. научн. конф. Л., 1991, с. 56-58.

13. A language union in the Russian Far East? // Proc. of the XIII International Conference on Historical Linguistics, Dusseldorf, 1997, p. 137.

14. Metaphor in the situation of the language death // Metaphor, cognition and culture. IV Intern. Conf. on Researching and applying metaphor. Univ. of Manuba, 2001, p. 17 (совм. с Ф.А. Елоевой).

15. The Bikin-river Sprachbund (Eastern Siberia) // Sprache 23. Jahrestagung und Kognition der Deutschen Gesellschaft fur Sprachwissenschaft 28.02-02.03.2001. Leipzig, 2001, p. 127.

16. Китайский язык аборигенов Приморья // Отчётные доклады МИОН, М., 2005.

17. Конвергенция языков или влияние адстрата? // Конференция «Языковые союзы Евразии». Москва, 14-16 ноября 2005 г. Тезисы докладов, М., 2005, с. 54-56.

г) научно-методические работы:

1. Разработка пакета учебных программ специализации «Этнолонгвистика и полевые исследования» // Учебные программы по дополнительной специализации «Этнолингвистика и полевые исследования» 021730, СПб гос. университет, филол. ф-т, СПб, 2002 - 52 с.

2. Программа курса «Этнолингвистика» // Там же, с. 5-13.

3. Программа спецкурса «Методы обработки полевых материалов» // Там же, с. 41-46.

4. Программа спецкурса «Лингвистическое изучение города» // Там же, с. 46-49 (совм. с Н.Б. Вахтиным).